

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯК

## ТАЙНА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*К 105-й годовщине революции 1905 года*

Революция – коренной переворот в жизни общества, который приводит к смене отжившего общественного строя, утверждению нового, передает власть в другие руки. Сами революционные события – это результат действия различных, порой, казалось бы, совершенно несовместимых групп людей, социально-политических сил, преследующих свои собственные цели. Давно отвергнуто мнение, что революции совершает некая “голытьба”, нищие обездоленные люди. Они лишь орудие в руках грамотных, интеллигентных, порой довольно состоятельных представителей имущего класса, близкого к власти. Кстати, и сама власть – порой от неумения властвовать, а иногда в силу самообольщения и чванства, очень часто провоцирует взрыв народного негодования.

Корни первой русской революции уходят в середину XIX века. Попытка царя Александра II реформировать государственную власть в России, придав законодательные функции Государственному Совету – первому законосовещательному органу в Российской Империи, созданному еще по инициативе Сперанского в 1810 году, эта попытка не удалась – 1 марта 1881 года он был убит народовольцами. Новый император, его сын, Александр III затянул гайки. Началась ревизия либерального законодательства, резко ужесточились меры по охране общественного порядка. Для контроля за общественными настроениями учреждалось новое жандармское отделение по охране порядка, так называемая “охранка”. Существенно урезались права народного самоуправления. Николай II, вззошедший на престол после смерти своего отца Александра III, не на шутку забеспокоился – в стране росло недовольство властью, трон основательно зашатался. Назревала революция.

Революция назревала в стране, которая была, в основном, крестьянской с 97 миллионами человек сельского населения (а это – 77% от всего населения России), в ценовом выражении они давали более половины от всей производимой в стране продукции. Государственный бюджет за 1890–1900 гг. вырос вдвое и достиг 1500 млн руб. В стране числилось около полумиллиона богатых людей. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные промышленники и коммерсанты, крупные биржевики и купцы, чи-

---

*ЧЕРНЯК Александр Викентьевич — заместитель главного редактора журнала “Российская Федерация сегодня”. Окончил МГУ имени М. В. Ломоносова, Академию общественных наук. Работал в районной, областной, центральной печати, на радио, телевидении. Кроме практической журналистики занимается научной и педагогической работой. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ.*

новничество и офицеры. Темпы пополнения класса имущих составляли примерно 5% в год. Здесь выделялось несколько десятков тысяч человек, чей совокупный доход превышал миллиард золотых рублей. В то же время основная масса населения пребывала в нищете. На одного помещика приходилось 2333 десятины земли, а на одно крестьянское хозяйство – не более 7 десятин. 5,6 млн крестьян не имели своих лошадей, инвентаря. В деревне появился сельский пролетариат (3,5 млн человек), который жил только наемным трудом (батрачеством).

Рабочий класс к началу XX века имел в своих рядах около 2,3 млн человек (всего 1,5% населения). Средний годовой заработок их колебался в зависимости от регионов и отраслей в среднем от 170 рублей (текстильщики) до 350 (обработка металла, электротехническая отрасль). Продолжительность рабочего дня – 10–14 часов. Действовала изощренная система штрафов, порой лишавшая рабочего заработка вообще.

Ко всем проблемам прибавилась новая беда – в 1901 году в России разразился неурожай. Деревня покатилась в нищету. В ряде районов голод унес жизни десятков тысяч человек. Страна зароптала. Ширились крестьянские выступления.

Но угроза царскому режиму исходила и от крупного капитала. Банкиры, фабриканты, заводчики требовали себе больших полномочий в соответствии со своими корпоративными интересами.

Все обострила начавшаяся в 1904 году русско-японская война, крайне неудачная для русской армии. Тревожные известия с Дальнего Востока будоражили общество. Ропот недовольства проник и в армию, ехать воевать в отдаленные края мало кому хотелось. Как видим, почва для революции накануне 1905 года созрела.

Роковая дата 9 января 1905 года стала той отправной точкой, с которой принято начинать отсчет событий первой русской революции. Но, обращаясь к этой дате, мы неизбежно сталкиваемся с загадкой одной роковой для русской истории личности – священником Георгием Аполлоновичем Гапоном. До сих пор нет ясного толкования и оценок действий этого человека. Герой ли он, всей душой пытавшийся служить народу, или, напротив, злодей, провокатор, агент охранки, подставивший под пули массы безвинных людей... Начнем издалека.

Он из крепкой крестьянской семьи, с Полтавщины. Учился в местном духовном училище, особым прилежанием не отличался, часто вступал в богословскую полемику со своими преподавателями и по окончании курса получил лишь диплом II степени да тройку по поведению, что закрыло перед Гапоном двери университета, где он намеревался продолжить образование. Первое время он подвизался мелким чиновником в Полтаве, потом принял сан священника, получил приход в кладбищенской церкви. Этому способствовал покровитель теперь уже отца Георгия епископ Илларион (Ющенков). Он же, видимо, рекомендовал Гапона для поступления в Духовную академию в Санкт-Петербурге, куда Гапон вскоре и направился. Однако для поступления в эту академию требовалось согласие самого обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева. И Гапон побывал на приеме у этого высшего сановника Российской Империи, близкого самому царю. Каким образом рядовому батюшке, да еще имеющему плохие характеристики с места прежней учебы, удалось получить согласие Победоносцева – неизвестно, однако вскоре Гапон уже является учащимся Духовной академии.

Надо отметить, что отец Георгий умел располагать к себе людей. Высокий, красивый, черноволосый, с громким, раскатистым, хорошо поставленным голосом, он производил впечатление и на прихожан и на духовное начальство. На него обратили внимание. В 1900 году, еще обучаясь в Духовной академии, он становится главным священником Второго убежища Московско-Нарвского отделения общества попечения о бедных и больных детях (“Синий крест”), также законоучителем детского приюта для трудолюбия во имя Святой Ольги. Затем служит в Скорбященской церкви, что в Галерной гавани. А это рабочий, пролетарский район Петербурга, и приход отца Георгия – рабочие, забитые жизнью, нуждой, тяжким трудом люди. Ютящиеся по углам или живущие в трудовых казармах, где десятки семей были отделены друг от друга лишь ситцевыми занавесками, работающие за копейки на своих хозя-

ев, эти доведенные до отчаяния люди, многие еще совсем недавно крестьяне, несут свою нужду, свои заботы на исповедь к доброму батюшке, отцу Георгию. А ведь батюшка и сам из бедной украинской семьи, ему ли не понять их?.. И Гапон ревностно служит в своей церкви, совершает молебны, читает проповеди. В нем открылся редкий талант неистового проповедника. Духовные власти с опаской смотрят на ретивого батюшку и вскоре, придравшись к тому, что отец Георгий близко сошелся с одной своей воспитанницей девицей Александрой Уздалевой, его лишают сана священника и отчисляют из академии.

Но в дело вмешиваются иные силы.

Рост протестных настроений в рабочей среде давно заставляет серьезно беспокоиться полицейское начальство. Начальник Особого отдела Департамента полиции Сергей Васильевич Зубатов, человек неординарный, сам в молодости участвовавший в работе народовольческих кружков, но после перешедший на позиции “охранителей” имперской государственности, пытается обуздать рабочее движение, создать подконтрольные властям официальные рабочие профсоюзы. Эта политика получила впоследствии название политики “полицейского социализма”. Кто-то должен был возглавить такие организации, но кто?.. Тут полиция и вспомнила об опальном священнике.

Гапона не только восстановили в звании и дали место священника при доме предварительного заключения, что, кстати, приносило ему неплохой доход, но и предоставили возможность защитить диссертацию на степень кандидата богословия. Весной 1903 года, при явном давлении со стороны Зубатова, Гапон направляет письмо министру финансов Сергею Юльевичу Витте, в котором просит содействия и выделения денег для создания рабочих кружков под названием “Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга”. На деньги охранного отделения Гапон снимает чайную с читальней на Выборгской стороне, ставшей одной из 11 отделений этого Собрания, которое к 1905 году насчитывало уже около 20 тысяч рабочих. По признанию большевиков, у Гапона, по крайней мере, в пять раз было больше рабочих, чем в их партии.

Выступая перед своими слушателями, Гапон страстно клеймил кровопийц-хозяев, при этом нахваливал “доброе царя”. Батюшка быстро прослыл радетелем за народное дело. Популярности прибавило ему и то, что он помогал нуждающимся рабочим не только словом, но и делом – выдавал вспомоществование, часто из своих личных денег. Бедных умерших хоронил даром, часть денег, получаемых с богатых похорон, отдавал бедствующим. Совершал яркие, запоминающиеся поступки. Один раз, при разговоре с босым бедняком, снял с себя сапоги и отдал их нищему... Это запоминается в народе. На батюшку стали смотреть, как на святого.

Третьего января 1905 года (17 января по новому стилю) хозяева Путиловского завода уволили несколько рабочих-смутьянов, членов вышеназванного Собрания рабочих – гапоновской организации. За них вступились товарищи по цеху – началась забастовка. Забастовка перекинулась и на другие крупные заводы столицы. Гапон на очередном собрании в читальне предложил идти с петицией к царю с просьбой улучшить их жизнь. Но не только это требование содержалось в петиции. По сути Гапоном был составлен развернутый документ широких социальных преобразований, который, будь он исполнен, менял всю систему взаимоотношений труда и капитала. Да, пожалуй, и сам политический строй в России. Сам по себе этот документ настолько интересен, что требуется привести его целиком, для лучшего понимания причин первой русской революции.

“Государь!

Мы, рабочие города С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению! Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили: мы желаем только того, без чего жизнь — не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсуждали наши нужды, — но и в этом нам отказали; нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега. Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев.

Государь! Нас здесь многие тысячи — и все это люди только по виду, только по наружности; в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, — бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление! Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа.

Вот что стоит пред нами, государь! И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук; к нам оно не доходит, — мы получаем только горе и унижение! Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не к злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе: ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее!

Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все. Это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны вечно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Но одна мера все же не может излечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них. Необходимы:

#### **1. Меры против невежества и бесправия русского народа:**

- 1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраний, свобода совести в деле религии.
- 2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.
- 3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.
- 4) Равенство пред законом всех без исключения.
- 5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.
- 6) Отделение церкви от государства.

## **II. Меры против нищеты народа:**

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым, прогрессивным и подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

## **III. Меры против гнета капитала над трудом:**

1) Охрана труда законом. Отмена института фабричных инспекторов.

2) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов.

3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно.

5) Участие представителей рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Нормальная заработная плата – немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе! Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя свое запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, пред твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем! У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, мы пойдём по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России! Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее!”

Да, согласитесь, если бы эти требования были приняты к исполнению, Россия стала бы иной и, возможно, избежала бы ужасов революций и гражданских войн.

Но события развивались иначе.

Власти попытались не допустить выступления. Узнав, что Гапон скрылся и шествие к царю будет, министр юстиции Муравьев, градоначальник Фуллон, у которого до этого с Гапоном были доверительные отношения, заволновались – что делать? Решили не допустить народ к Зимнему дворцу, а Гапона арестовать. Но сделать это было уже невозможно, отца Георгия окружала сильная рабочая охрана, в которой были замечены и боевики-эсеры, вооруженные и готовые на все.

Между тем Гапон 7 января посылает письмо Николаю II, в котором пишет: “Государь, боюсь, что твои министры не сказали всей правды о настоящем положении дел в столице...”, и просит принять петицию. Ответа не последовало. Власть стягивала к центру города войска...

Писатели М. Горький, Н. Аннинский и другие обратились к министру внутренних дел Святополк-Мирскому с просьбой предотвратить кровопролитие. Министр ответил, что от него ничего не зависит, вопрос решается наверху. Царь поручил руководить всем великим князьям, представителям дома Романовых Сергею Александровичу и Владимиру Александровичу и генералу Трепову. Министр скрыл от писателей, что в ночь на 8 января Николай II провел совещание с участием командира гвардейского корпуса князя Васильчикова, шефа корпуса жандармов Рыздзевского, градоначальника Фуллона и приказал не пропускать в центр города демонстрантов. Царь не отдавал приказа стрелять в рабочих, но представьте себе трехсоттысячное шествие и противостоящие им войска с заряженными винтовками в руках... Чем это могло закончиться?... Только кровью.

Воскресным утром 9 января (22 января по новому стилю) массы рабочих со своими женами, детьми, стариками стали скапливаться у Нарвской заставы, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах. Вскоре колонны двинулись к Зимнему дворцу. Манифестанты несли портреты царя, иконы, хоругви... Далее читаем тогдашнюю прессу (“Правительственный вестник”, № 7, 1905 г.): “...Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлисельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, из окон соседних домов в войска были брошены камни...”

Даже из этих скупых строк ясно: стреляли по всему городу, патронов не жалели! По официальным данным в тот день погибло 130 человек. Но исследователи выдают другую цифру: “В больницы Петербурга было привезено 9 января 1216 убитых и свыше 5000 раненых. А сколько трупов попало в полицейские участки, а оттуда вывезены и зарыты в ямах?” — отмечает академик А. Воробьев. Давно уже история страны не знала ничего похожего. А Воробьев обращает внимание на меланхолическую запись Николая II в дневнике 9 января 1905 года: “Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал с Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона”. Полное спокойствие в душе государя. А ведь совершались события, которые роковым образом предопределили судьбу России, да и судьбу самого императора и его семьи.

И вот тут возникает вопрос — зачем Гапон, который понимал, конечно, что вести народ на войска смерти подобно, зачем он все же сделал это, под чьим влиянием он находился? В окружении Гапона в это время ярко выделяется фигура Пинхаса Моисеевича Рутенберга — социалиста-революционера, террориста, а также и земляка Гапона — тоже выходца с Полтавщины, из семьи богатого еврея. Он окончил Петербургский технологический институт, примыкал некоторое время к социал-демократам, затем переметнулся к эсерам. Женившись на православной женщине, формально крестился, правда, потом бежал из России; в синагоге Флоренции Пинхас выполнил средневековый обряд покаяния отступника — получил 39 ударов бичом и вернулся к вере отцов.

В 1904 году он уже в России и, устроившись на Путиловский завод, близко сошелся с отцом Георгием Гапоном, стал его ближайшим соратником, хотя устав “Собрания” запрещал принимать инородцев. Это Рутенберг всячески провоцировал рабочих на забастовку, опекал Гапона, подталкивал его на экстремистские действия. Как он сам утверждал впоследствии, это он переписал знаменитую петицию рабочих к царю. Но здесь, думается, провокатор явно лукавит — петиция написана рукой священника, это ясно каждому, кто прочитал ее текст, дело не в этом, а дело в том, что Рутенбергу нужно было, чтобы царь вышел к демонстрантам для принятия петиции, это был бы удобный случай для покушения. Потому и тесным кольцом окружили отца Георгия боевики-эсеры во время шествия 9 января, и это он, Рутенберг, уложил на землю Гапона, когда началась стрельба и погиб мальчик, несший фонарь, и старик с портретом Николая II. Таким образом Рутенберг “спас”, как от утверждал, руководителя рабочего движения и заслужил его полное доверие. Знал бы отец Георгий тогда, чем обернется для него это доверие к прожженному террористу и провокатору.

В подворотне одного из домов Рутенберг постриг Гапона, заранее позаботившись о ножницах (!), поменял священническую шубу на зипун и повел его прятать по своим знакомым. Сначала зашли на квартиру к Горькому, затем отправились в имение под Петербургом, а оттуда за границу. Рутенберг снабдил теперь уже расстриженного священника деньгами, иностранным паспортом. Гапон пошел через границу один. В решающий момент Рутенберг его бросил, и, оказавшись за границей, в Швейцарии, Гапон подался к социал-демократам, познакомился с Плехановым, с Лениным, даже вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Владимир Ильич Ленин живо заинтересовался этой колоритной фигурой, с большой заинтересованностью слушал Гапона, цитировал его в своих статьях. Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба бывшего священника, возможно, он стал бы и большевиком, но тут в Швейцарии появился его злой гений Рутенберг и быстро сманил Гапона к эсерам. Георгий Аполлонович вступил в ряды этой партии террористов. “В присутствии товарищей (Чернов, Савинков, Азеф — хорошие “товарищи”), — пишет Рутенберг, — я объяснил ему обязанности, которые он берет на себя, вступая в партию”. После этого большевики заклеили Гапона позором.

У прекраснодушного бывшего священника была одна замечательная, но чисто маниловская, конечно, идея — объединить всех революционеров, вступающих за обновление России, в единую организацию и самому стать во главе ее. Но террористы-эсеры пытались использовать его для других целей. В течение всего 1905 года в России развивалась революционная борьба, и именно эсеры взялись за поставку оружия боевым организациям. Гапона втя-

нули в это темное дело. Судно с грузом оружия направилось к берегам России, но по каким-то причинам не доплыло. Вокруг Гапона стала складываться атмосфера подозрительности и недоверия, он неуютно почувствовал себя в эмигрантской среде и решил вернуться в Россию, к питерским рабочим, которые помнили своего батюшку-заступника и ждали его.

Чтобы легально вернуться в Россию, Гапону нужно было покаяться в своих грехах, неизбежно ему нужно было вновь обратиться к своим знакомым в полиции Санкт-Петербурга, которые когда-то поддерживали его, давали деньги на развитие рабочих кружков. Хотя не стоял уже на посту градоначальника Санкт-Петербурга его старый знакомый Фуллон, при содействии которого он открывал когда-то рабочие клубы и читальни и даже сфотографировался с ним вместе в окружении рабочих на одном из своих собраний, но многие влиятельные люди в охранном отделении помнили страстного проповедника, помнили, что он искренне когда-то пытался сотрудничать с властью. Ему поверили и вновь дали денег и предоставили возможность организовывать рабочих. Это не входило в планы эсеров. Гапону этими бесами был вынесен смертный приговор.

Историк, следователь МВД СССР и РФ по особо важным делам Э. Д. Хлысталов, основательно проанализировавший архивы охраны, утверждает, что фамилию Гапона среди тайных агентов царской охраны он не встречал. Нет ни одного документа, подтверждающего сотрудничество Гапона на поприще доносительства и осведомительства, нет никаких бумаг, подписанных священником. Все авторы, писавшие о Гапоне, ограничивались общими словами, фактами финансирования полицией рабочих кружков. Но от этих фактов Гапон не отказывался и сам. Да, получал деньги в Департаменте полиции, но тратил их на создание рабочих клубов, читален, наем помещений для благотворительных вечеров, помощь нуждающимся и т. п.

Однако для эсеров важен был сам факт сотрудничества Гапона с полицией. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в измене и казнить. 28 марта 1906 года Рутенберг вызывает Гапона на встречу на пустующую дачу в Озерках – пригороде Санкт-Петербурга. Ничего не подозревающий бывший священник едет на свидание со своим “спасителем”. Но, оказавшись на даче, он подвергается нападению банды убийц во главе с Рутенбергом. Его силой засовывают в петлю, убийцы виснут на нем, и петля затягивается на шею человека, первым попытавшегося повести бедный люд России к свободе и счастью... Через некоторое время тело его находят повешенным на этой даче.

Так кто же все-таки виновен в трагедии 9 января? Непосредственный приказ о расстреле рабочих отдал министр внутренних дел Святополк-Мирский. Именно к такому выводу пришел и Николай II, уже 18 января отправивший его в отставку. “Это был первый министр внутренних дел за весь столетний период с момента учреждения этого министерства, ушедший в отставку без почетного титула или хотя бы ордена”, – замечает исследователь Ю. Житорчук. По мнению этого историка, Святополк-Мирский вольно или невольно стал участником заговора крупного капитала, который пошел на крайнюю меру – организацию политической провокации. Накануне события министр двора Мосолов, через своего начальника канцелярии, интересуется у Святополка-Мирского: арестован ли Гапон? Ему отвечают, что собираются арестовать его уже во время шествия. Однако во время самого шествия полицейские сами становятся в ряды демонстрантов, идут вместе с рабочими. Никто даже не пытается изолировать Гапона, остановить шествие. Неужели Рутенберг с группой своих эсеров так напугал полицию? Более того, жена Святополка-Мирского в своем дневнике после событий Кровавого воскресенья записывает: “Брешь пробита, и государь при всем своем нежелании изменить существующий строй, или если не он, то его заместитель должен будет это сделать”.

Так жизнями рабочих “пробивалась брешь” в теле государства Российского. Но при всем при том загадочная фигура отца Георгия Гапона – зачинщика и жертвы первой русской революции – не устает привлекать внимание историков и всех думающих людей в России. Он сам, его жизнь, деятельность, мечты и заблуждения, несбывшиеся надежды и грехи – это яркий, поучительный пример и предостережение для всех тех, кто раздувает ветер, не думая, что пожнет бурю.